

ВОКРУГ СВЕТА

1927 г.

ПУТЕШЕСТВИЯ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ НА СУШЕ, НА МОРЕ И В ВОЗДУХЕ

№ 3

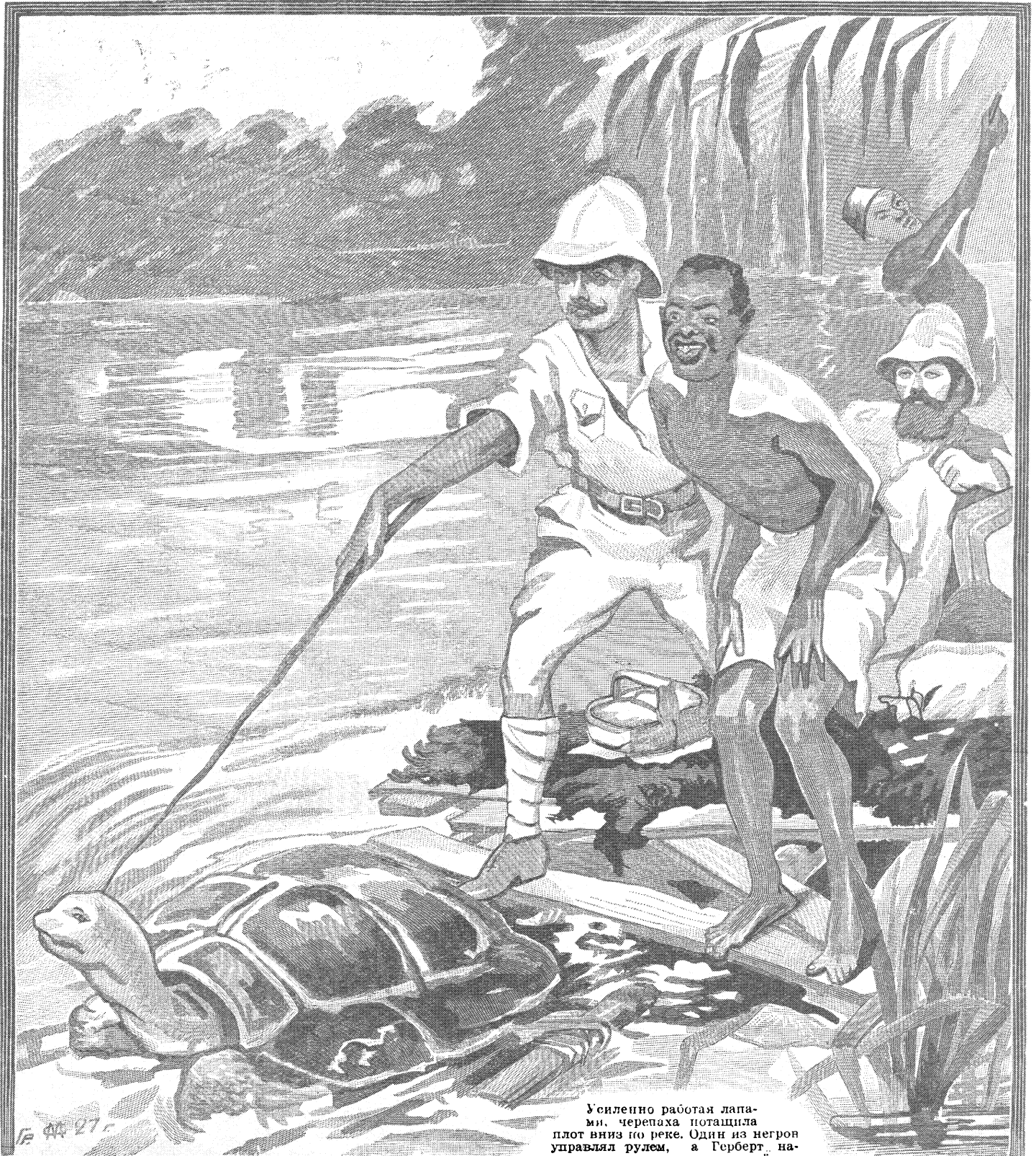
6 р. в год за ежем. журн. «Всемирный Следопыт» с прилож. 12 №№ «Вокруг Света», 12 вып. «Библиотеки» и 12 геогр. карт. Для год. подп. (только непосредств. из Изд-ва) рассрочка: при подписке 3 р., к 1 мая 3 р.

Редакция и контора „Всем. Следопыта“ и „Вокруг Света“: Москва, Кузнецк. Мост, 13
Подписка на журнал «Всемирный Следопыт» (только со всеми приложениями) принимается: в конторе журнала, в экспедиции (Москва, Софийка, Лубянский Пассаж, пом. 25—30) и во всех почтовых отделениях.

Объявления в «Вокруг Света» принимаются в конторе журнала (Кузнецкий Мост, 13) и в отделе распространения (Лубянский Пассаж, пом. 25—30, тел. 2-31-78) по 1 руб. за строку непрерывно позадн текста.

3 р. 25 к. в пол-года с перес. и дост. за 6 №№ журн. «Всем. Следопыт» со всеми прилож. Отдельно на журнал или прилож. подписка не приним. За границу подп. плата вкл. на 50 проц. За перемену адреса — 20 к.

СОДЕРЖАНИЕ: Черепаха в упряжке (к рис. на 1-й стр.). — Желтый тайфун. Колониальный рассказ М. Зуева. — Подземное путешествие. Краеведческий рассказ А. Великанова. — Спорт в древности и теперь. — Первые жертвы южного полюса (к 15-летию гибели кап. Скотта). — В два дня на луну. Очерк. — Остров, который хотели украсть. Рассказ-загадка И. Окстона. — Всемирный калейдоскоп.

Усиленно работая лапами, черепаха потащила плот вниз по реке. Один из негров управлял рулем, а Герберт направлял черепаху палкой.

О . О О О О Черепаха в упряжке О О О О О

(К рисунку на первой странице)

Пайк Герберт нашел ее на берегу в ту душную, полную одуряющих испарений ночь, когда, отчаявшись в возможности заснуть, он спустился с веранды и пошел к реке в надежде, что прогулка его немного освежит. Черепаха сидела на песчаном бугре, метрах в десяти от воды, и, во-всю работая своими веслообразными лапами, разрывала песок. Очевидно, она собиралась положить здесь яйца.

Две вещи удивили Пайка. Во-первых, то, что черепаха была одна. Обычно, ко времени кладки яиц, они собираются большими стадами, сообща копают ямы в метр и более глубины и поочередно кладут туда яйца, старательно засыпая их потом песком. Этим пользуются туземцы, которые, сидя на деревьях, выслеживают черепах и, когда те уйдут, выкапывают из песка по несколько тысяч яиц. А черепахи яйца — любимое лакомство африканских негров.

Второе, что не только удивило, но и поразило Пайка, это была величина черепахи. На Нигере часто попадаются крупные экземпляры этих животных. Встречаются даже до 80 килограммов весом, но эта черепаха превышала все, когда-либо виденное Пайком. Ее размеры были совершенно необычайны.

«Какой изумительный экземпляр для зоологического сада!» — подумал Пайк, и со всех ног бросился к фактории.

Как известно, на суше черепахи не отличаются быстротой движений, и, когда Герберт вернулся в сопровождении двух негров, служащих фактории, животное не успело еще доползти до воды. Шести сильных рук как раз хватило, чтобы перевернуть эту огромную черепаху на спину. Очутившись в беспомощном положении, она неистово заработала в воздухе тяжелыми лапами, но снова встать на ноги сама не могла.

Пайк принес большое долото и молоток, и с помощью этих инструментов с большим трудом пробил отверстие у края нижнего щита черепахи. Потом он просунул туда крепкую веревку, скрученную из лиан, и вдвоем они приволокли тяжелое животное на двор фактории.

С этого дня Тортю, как назвал Герберт пойманную черепаху, сделалась обязательным конторой торговой Нигерской Компании. На дворе для нее была врыта в землю цинковая ванна, в которой она, хотя и не могла плавать, но все же имела возможность немного освежаться. Несколько раз в день Гер-

берт приносил черепахе охапки травы и овощей, но любимой ее пищей была рыба. Ее она пожирала в невероятном количестве, обязательно в воде и целиком, оставляя нетронутыми только плавательные музьи, покрывавшие к концу дня всю поверхность воды в ванне.

Спала черепаха в пустой собачьей конуре. Держали ее на цепи, прикрепленной к винченному в соседнее дерево кольцу. Лазейку в конуру пришлось расширить, так как черепаха в нее не пролезала.

Герберт прилагал все усилия, чтобы приручить к себе животное, и, в конце концов, это ему удалось. Тортю стала узнавать голос Герберта и шла к нему навстречу. По мнению Герберта, она даже знала его в лицо, но он в этом не был уверен. Свою полную победу Герберт праздновал тогда, когда черепаха встретила его, однажды, нежным хлопыванием головы по носу его сапога. Для нее это был единственный способ выразить свою преданность.

Через несколько месяцев черепаха так привыкла к своему хозяину, что Герберт решил освободить ее от цепи и позволил свободно разгуливать по фактории. Немало хохотали служащие, застав, однажды, Тортю за весьма странным занятием: она с остервенением возилась над резьбой на деревянном карнизе веранды, изображавшей цветы, видимо, недоумевая, почему ей не удается их с'есть. Зато туфли, сделанные из рыбьей кожи, она с'ела с явным удовольствием.

Но вот, как-то раз, на фактории появился француз-путешественник, удивлявший негров своей большой черной бородой. Оказалось, что он направляется в Пальму. Он надеялся выйти к реке еще до окончания периода дождей, но, задержавшись в дороге, опоздал, и теперь должен был ждать в Гамбо, пока не возобновятся дожди, так как только во время ливней течение на Нигере достаточно быстро. В другое же время нужно потратить несколько месяцев, чтобы с тяжело нагруженным плотом спуститься от Гамбы до Гвинейского залива.

Однажды этот француз вместе с Гербертом пас Тортю на берегу реки. Держа ее за цепь, они позволили ей немного поплавать в воде. Вдруг черепаха с такой силой заработала ногами, стараясь уплыть на середину реки, что двое сильных мужчин были втянуты

по пояс в воду и, только во время обернув цепь вокруг ствола пальмы, удержали животное.

Это происшествие навело путешественника на не совсем обычную мысль. Он поделился ею с Гербертом, который от оригинальности ее пришел в восторг. Француз намеревался воспользоваться черепахой, как средством передвижения по воде, чтобы ускорить свой спуск по реке.

Сначала путешественник хотел купить Тортю. Когда же Герберт сказал, что она не продается, но что он с удовольствием уступит ее на время для такой оригинальной цели, — француз обещал вернуть ее Герберту с первым же почтовым катером, как только доберется до Пальмы.

В тот же день они принялись за работу, в которой и сам хозяин черепахи принимал деятельное участие. Был построен плот со специальными оглоблями, которые двигались в точках их прикреплений, позволяя управлять движениями черепахи. В панцире животного было просверлено еще одно отверстие, и, при помощи крепких веревок, несчастную Тортю запрягли в оглобли. Почувствовав неудобство, она стала бегать по двору, волоча за собой плот, а когда открыли ворота, черепаха устремилась к берегу. Около реки ее задержали. Путешественник с двумя неграми и багажом уселся на плот, и все сооружение было столкнуто в воду. Сам Герберт вызвался сопровождать француза до первого селения, — до того вся эта затея казалась ему интересной.

Черепаху направили на середину реки. Усиленно, как хорошие веслаи, работая лапами, она потащила плот вниз по реке со скоростью трех миль в час. Один из негров управлял рулем, а Герберт палкой удерживал черепаху в нужном направлении.

Проплыв так с четверть часа, черепаха стала двигаться как-то странно, видимо, порываясь освободиться от надоевших оглоблей. Вдруг, совершенно неожиданно, скверное животное нырнуло под воду, увлекая за собой плот с пассажирами.

К счастью, на этом месте было не глубоко, и все легко достигли берега. Но багаж и коллекции путешественника целиком погибли в реке. Мало того, и сам плот вместе с черепахой тоже исчез...

В. Б.

О О Ученый в кратере вулкана О О

Наука имеет своих мучеников и героев. Одним из таких героев науки является в наши дни американский профессор Т. А. Яггар, посвятивший всю свою жизнь изучению вулканов.

Для того, чтобы лучше изучить вулканические явления, проф. Яггар, вместе со своей женой, поселился на краю большого кратера Килауэа на Гавайских островах.

Кратер Килауэа представляет побочный кратер большого вулкана—Мауна-Лоа—и является самым замечательным из всех вулканов на земле. Килауэа —

это большое огненное озеро постоянно kloчочущей, раскаленной лавы. Оно имеет около 20 километров в окружности и постоянно выделяет из себя пары и газы.

По временам кипящая лава поднимается до краев кратера и выливается на склоны горы. Иногда на поверхности огненного озера поднимаются фонтаны пламени.

И вот, для наблюдения и изучения этих явлений, проф. Яггар и решил построить небольшую хижину на берегу огненного озера. Наблюдательный пост

он устроил почти у самой границы лавы. Так живет он уже целых 15 лет.

В моменты особенно усиленной деятельности вулкана, проф. Яггар производит наблюдения и ночью. С этой целью он ночует в палатке, которую ставит на краю кратера. Однажды, во время сна ученого, почва под палаткой треснула, из расщелины вырвалось пламя и опалило Яггара и находившиеся в палатке вещи.

Несмотря на все опасности, связанные с пребыванием на вулкане, проф. Яггар не хочет расставаться с ним. Он так сроднился с Килауэа, что с любовью говорит туристам о красоте «своего» вулкана, правда, единственного в мире по своей грозной величавости.

ЖЕЛТЫЙ ТАЙФУН

Колониальный рассказ Михаила Зюева¹⁾

I. Пороховая бочка.

Шолон,—это еще не Сайгон, хотя он имеет с гордой столицей Кохин-хины общий муниципалитет²⁾. Шолон, это — только еще туземное предместье, а сам Сайгон, город европейцев, мандаринов и богачей, брезгливо отодвинулся на 7 километров южнее. Железная дорога соединяет Сайгон с его предместьем. Хилые паровозики таскают с трудом веренищу грязных вагонов, набитых, как банка икрой, туземцами, так как европейцы не признают иных способов передвижения, кроме автомобилей.

В Шолоне нет богатых дворцов и кокетливых коттеджей. Здесь ютится туземная беднота, — аннамиты, китайцы, индусы и малайцы, рабочие сайгонских фабрик, рисовых мельниц, портовые кули, рыбаки и матросы. Кривые улицы и переулки Шолона, пахнущие илом, расолом и опиумом, не могут похвастаться чистотой и красотой своих зданий. Хибарки бедноты выстроились угрюмо в ряд, перемешавшись с лавчонками, пагодами и кабаками. Вертикальные вывески, с таинственными буквами, похожие на ребусы, кричат о том, что здесь живет мебельщик, тут—старьевщик, там—харчевня, рядом—лавка гробовщика, а напротив—шумный кабак.

Вечером освещены бывают только кабаки. Опоясавшись двойным, тройным ожерельем огромных, круглых фонарей из рыбьих пузырей, кабаки бросают щедрими горстями в настроенную тишину южной ночи хриплые крики пьяных, удары цимбалов, треск барабанов и монотонное жужжание китайских флейт. А рядом, под деревьями, под воротами лежат рядами дюжины кули. Они переплелись ногами, укрылись лохмотьями и крепко спят, ожидая портового гудка, который разбудит их для нового дня нечеловеческого труда.

Рядом с хибарками и кабаками Шолона раскинулся другой город, подобный которому нельзя найти ни-

где на земном шаре. Это—водяной Шолон. В бесчисленных заливах и на каналах столько джонок и лодок, что с одного берега на другой можно перебраться легко, как по крепкому мосту. Днем—это речные и морские суда, а ночью—плывучие дома, второй таинственный город на грязной воде каналов. С джонок несет писк ребят, хрюканье свиней, крики домашней птицы. Здесь, на судне, все хозяйство. А по берегам растянута для просушки на бамбуковых рамах рыбацкие сети.

Шолон ненавидит Сайгон жгучей, непримиримой ненавистью. Недаром длинные морды орудий Сайгонской цитадели всегда повернуты в сторону Шолона. И если европеец не из бедноты, не из рабочих, не из матросов, которые чувствуют себя здесь, как дома, а из купцов, фабрикантов, банкиров или даже из чиновников, то лучше ему не задерживаться вечером в предместьи. Он может сгинуть, исчезнуть бесследно, и даже труп его не найдет сайгонская полиция.

Таков Шолон — ненавидящий богачей и европейцев, бочка пороха, ждущая только искры, чтобы захотать ужасным взрывом мятежа и восстания...

II. Те, кто бросят искру.

Таверна «Глаз Дракона» приютилась на самом краю Шолонской набережной. В непогодливые дни, когда свирепый тайфун, вырвавшись с морского простора, припадает к земле, а река Сайгон катит мутные волны стадом перепуганных баранов, в таверне особенно уютно. Река с ревом бьется о гранит набережной, брызги волн долетают до самой таверны и хлещут раздраженно в ее низкие окна. Моряки любят за это таверну. Под всплески волн, под вой непогоды, особенно приятно чувствовать под ногами твердую землю, а кувшин с крепким вином кажется в эти часы особенно милым и желанным.

«Глаз Дракона» мог угодить любому вкусу: какую бы географическую точку не назвал своей родиной гость таверны, он находил здесь свое родное кушанье и свой родной напиток.

Здесь можно было найти все, начиная от шотландского джина и французского коньяка, до итальянской граппы (вишневки) и японской

сакэ. Здесь можно было услышать все наречия—от певучего, в нос, французского до жестких, лающих английских слогов; от горловых, словно клекот коршуна, выкриков малайцев до сюсюканья китайца...

Сегодня в таверне особенно шумно илюдно. Цинковые столы облеплены посетителями. Здесь и ловцы жемчуга и портовые грузчики, цветные и белые, городские нищие, моряки с пришедших в порт кораблей, моряки без кораблей, шулера и авантюристы,—чей нос за тысячу миль слышит запах плохо лежащего золота. Опоражниваются кувшины, бутылки. Игроки склонились над костями и картами, играют в домино, покер «фантан»—любимую игру китайцев—и самый зверский, хищнический штосс.

Жарко. Душно. Накурено. Серые тенета табачного дыма разостлались густо по залу. Кажется, брось в воздух доллар, и он не упадет на пол, запутается, повиснет в этих дымных сетях. Два бумажных фонаря, единственное освещение зала — мерцают тускло и мутно, как глаза больного. Надрывается граммофон и покрывает крики толпы звуками расхлябанных фокстротов и чарльстонов.

А над прилавком, уставленным разноцветными бутылками и красными, глиняными, с черным рисунком кувшинами, как изваяние идола, возвышается фигура самого Че-Чу. Лицо его неподвижно, как маска, и загадочно, как иероглиф¹⁾...

Недалеко от входных дверей таверны, за лакированной деревянной ширмой сидел европеец. Белый морской картуз и полосатая тельняшка, выглядывавшая из-под коротенького пиджака, делали его похожим на матроса европейского судна. На столе перед ним одиноко стоял непочатый стакан виски и лежала раскрытая записная книжка.

Европеец задумчиво почесал переносицу карандашом и застрочил быстро по-французски:

«... Надо только научиться смотреть, и тогда увидишь другую Азию: не экзотическую гравюру, созданную из красного лака, черепиц, крытых глазурью, дремлющих вод и цветущих плумерий, а Азию колоний, поработанных туземцев, дикой эксплуатации и беззастенчивого грабежа империалистов...».

¹⁾ Письмена древних египтян, с трудом поддающиеся расшифрованию.

¹⁾ См. рассказ того же автора: «По обе стороны окна», напеч. в № 1 «Вокруг Света» за 1927 г.

Тайфунами называются сильные бури Китайского моря циклонического характера, возникающие обыкновенно осенью, преимущественно на Тихом океане и около Филиппинских островов.

²⁾ Орган городского «самоуправления», в капиталистических странах.

Страница кончилась. Карандаш устало лег поперек книжки. Европеец отхлебнул из стакана и отправил в рот маленький соленый сандвич¹⁾. Жевал медленно, уставившись отсутствующим взором в одну точку. И вдруг обернулся быстро. Где-то рядом раздался испуганный, но тихий вскрик:

— Кай-Пангу, ты не с ума ли сошел?

Европеец прильнул к деревянному кружеву ширмы, вглядываясь в людей, сидевших за соседним столом. Их было двое. Около стола, вытянувшись во весь свой богатырский рост, стоял туземец. Кожа его была светло-шоколадного цвета. Большая голова гордо и чуть надменно откинута назад. Лицо было из тех, которое, раз увидав, никогда уже не забудешь. Линия тонкого носа почти продолжала в профиль отвесную линию широкого, могучего лба. Глаза его все время щурились, что придавало легкую презрительность и пыливую пристальность их взгляду. Но крупная родинка, похожая на ущербленную луну, в левом уголке рта, примешивала к общему выражению лица какую-то детскую ясность и простоту. Он был почти наг, если не считать полотняной повязки вокруг бедер. Видимо, отсутствие карманов и вынудило его воткнуть в длинные жесткие волосы деревянную трубку с медной головкой.

Вскрикнувший человек сидел, испуганно откинувшись на спинку стула.

Это был уже пожилой, низенький и сухощавый, мужчина, одетый в просторный темно-синий костюм, какие носят северные китайцы. Из-под широких рукавов выглядывали громадные рабочие руки. Кожа его — цвета бронзы, но бронзы только что вычищенной, блестящей, как золото, казалось, имела какой-то внутренний свет. Узко и косо прорезанные глаза как бы подтянутые к рискам, и морщины вокруг рта и глаз придавали всему лицу выражение тончайшего лукавства и хитрости.

— Чего испугался ты, Ляо-Ху? — ухмыльнулся гигант.

— За себя Ляо-Ху никогда не боялся. — ответил сидевший — иначе я не был бы достоин своего прозвища²⁾. Я боюсь за тебя, Кай-Пангу!.. Ты же ведь читал это. — хлопнул он по газете лежавшей на столе.

— Читал, — ответил спокойно Кай-

Пангу. — Но сегодня им меня не схватить, а завтра будет уже поздно.

Европеец, следивший сквозь ширмы за всей этой сценой, выдернул из кармана номер «Аннамитского Голоса». На первой же странице крупным шрифтом кричал заголовок:

**НАГРАДА ЗА ПОЙМКУ КАЙ-
ПАНГУ УДВОЕНА.
10 000 ЗОЛОТЫХ ПАГОД
ЗА ГОЛОВУ ЭТОГО
БАНДИТА И БРАТОУБИЙЦЫ!**

Поглядел внимательно на портрет, оттиснутый под заголовком, и перевел взгляд на гиганта. Вздрогнул — одно и то же лицо!

— Слушай, бой³⁾, — повернулся европеец к мальчику, отгонявшему от него мух истрепанным пучком перьев, — поди скажи, чтобы дали сюда еще виски, на одного. А сам не возвращайся. Мухи меня не беспокоят.

Лишь скрылась фигурка боя в людском месиве таверны, как европеец снова осторожно прильнул глазами к сквозной резьбе ширмы.

— Но все-таки, это неосторожно, — продолжал Ляо-Ху. — Я думал, ты прилетишь кого-нибудь вместо себя. Смотри, мне кажется, Че-Чу уже забеспокоился, увидав тебя.

Белый оглянулся на стойку. Действительно, идолоподобный хозяин таверны уже завозился тревожно, и в свете фонаря, на маске его лица блеснули впадины глаз и рта.

— Пустяки! — небрежно отмахнулся Кай-Пангу. — Ты слишком подозрителен, друг мой.

— А ты правда убил брата и прислал его голову префекту Геляру? — спросил с плохо скрытым любопытством Ляо-Ху.

Лицо Кай-Пангу потемнело.

— Это правда, — глухо ответил он.

— Мой брат Тао-Пангу был судьей в Гуан-Ши. и он хотел предать меня властям. Но довольно о нем! Говори о деле, Ляо-Ху. Мои «лесные братья» идут сюда. Они двигаются вдоль полотна железной дороги Сайгон — Митхо⁴⁾. «Лесные братья» близко. В одну ночь они могут подойти к заставам Сайгона. А вы готовы?

Ляо-Ху улыбнулся уверенно.

— Мы давно готовы! Утром будем ждать нашего сигнала рабочие Сайгонских фабрик, — хинных, спичечных, ликерных и мыловаренных. Кроме того, нам на помощь двига-

ются уже отряды шахтеров из Гонгея и китайские рыбаки «песчаной пропасти», — Кат-Ба⁵⁾. Но главная наша надежда, это — Шолон. Шолон гневен, он бурлит и хлопочет ненавистью к европейцам и богачам. Одно твоё слово, Кай-Пангу, — и Шолон, как волна, поднятая тайфуном, хлынет на улицы Сайгона.

Кай-Пангу гордо выпрямился.

— Шолон! Я так люблю его и так горжусь им. Шолон помнит заветы своего гостя, великого Суна⁶⁾. Шолон первый поднимет мятеж! А как наша пропаганда среди сайгонского гарнизона?

Ляо-Ху недовольно вздохнул:

— Ты был прав, Кай-Пангу, а я, сознаюсь, ошибся. «Иностранный легион» состоит сплошь из европейцев. Кю-Нао сунулся было туда и поплакал за это головой. Но за то удачнее дело среди туземных войск. Аннамитский батальон боится открыто перейти на нашу сторону, но они дали клятву стрелять поверх наших голов. Не придется нам также бояться бронированных автомобилей. Рабочие военных гаражей — индусы — сегодня ночью бросят в бензинские баки сахарный песок⁷⁾. То-то удивятся белые дьяволы, когда увидят, что их чудовища отказываются двигаться!

Кай-Пангу, зажав ладони между коленями, заговорил, раскачиваясь в такт слов, сначала тихо, но чем дальше, тем сильнее и звучнее. Звенящий металлический тембр его голоса говорил о высшем нервном возбуждении.

— Завтра великий день! Завтра в свободной стране холодного севера бедняки будут праздновать годовщину своего освобождения от гнета мандаринов и богачей. И мы здесь отметим этот день. Мы назовем его днем «кох-бина»⁸⁾. Завтра только враги наши не украсят свою грудь или голову этим цветком цвета крови. Как могучий тайфун как северный шквал, бросятся батальоны предместья, роты рабочих шахтеров рыбаков «накэ»⁹⁾ и «лесных братьев» на цита-

¹⁾ См. заметку «остров Кат-ба» («Лики Китая»), в № 7 «Вс. След.», за 1926 г.

²⁾ Сун-Ят-Сен. в 1908 году, спасаясь бегством от преследования китайского, тогда еще императорского правительства, скрывался среди бедноты Шолона.

³⁾ Сахарный песок, растворившись в бензине, попадает в жиклер (тоненькое калиброванное отверстие, через которое горячее вещество идет в смесительную камеру) и, залив его, может приостановить надолго работу автомобильных моторов.

⁴⁾ «Кох-бин» — красный японский гиацинт.

⁵⁾ «Накэ» — по-английски — крестьянин.

¹⁾ Бутерброд, состоящий из двух тонких ломтиков хлеба с маслом с прослойкой из мяса.

²⁾ Ляо-Ху — по-китайски — тигр.

³⁾ Бой — по-английски — мальчик.

⁴⁾ Митхо — крупный город Кочинхины, в 70-ти километрах юго-зап. Сайгона.

дели и дворцы Сайгона! И, если мы не победим завтра, — не страшно будет это поражение! Через год, через два, через десять лет победа все же останется за нами, ибо мы настолько стойчивы и могучи, как тайфун!..

— Да, мы могучи, как тайфун, — прозвенел в ответ восторженный возглас.

Кай-Пангу и Ляо-Ху вскочили, как ужаленные. Перед ними стоял европеец в морской фуражке и полосатой матросской тельняшке.

III. Убийство в таверне.

— Я слышал ваш разговор, — сказал он, — и я давно ищу встречи с тобой, Кай-Пангу.

Рука Ляо-Ху змеевидным движением скользнула в складки одежды. Европеец заметил этот жест.

— Погоди минуту, Ляо-Ху, — сказал он спокойно. — Убить меня ты всегда успеешь. Выслушайте сначала, кто я. Меня зовут Ив Кутанзо. Как видите, я европеец и даже, сознаюсь, француз, то-есть из тех чужеземцев, которые поработили вас. Но я принадлежу к партии, которую основал великий северный вождь, друг Сун-Ят-Сена. И я приехал сюда для того, чтобы разузнать всю правду о притеснениях туземцев, и написать об этом в нашу газету «Юманите»¹⁾. Вы слышали о такой газете?

— О, да, мне читали ее! — с жаром вскрикнул Кай-Пангу. — Это хорошая газета, она говорит только правду, а не брызжет ядовитой слюной, как вот эта гадина, — указал он

пальцем на валявшийся под столом «Аннамитский тислюс».

— А я — один из тех, которые пишут в «Юманите», — сказал Кутанзо. — Я ее корреспондент!

Кай-Пангу улыбнулся доверчиво и протянул руку Кутанзо:

— Я верю тебе, брат. Ты наш!

Ляо-Ху, попрежнему хмуривший брови, недружелюбно и подозревающе, вдруг вздрогнул и с подавленным криком бросился к Кай-Пангу.

— Не верь, не верь ему, о вождь! Он лжет! Он предаст тебя. Смотри! — протянул он руку по направлению входной двери таверны. Кутанзо посмотрел туда. В дверях замелькали зеленые пояса полицейских.

— Предатель! — бешено рванулся Ляо-Ху к французу.

— Стой! — загрохотав своим телом корреспондента, крикнул повелительно Кай-Пангу. — Предатель не он, предатель — вот кто!

Палец Кай-Пангу уперся в Че-Чу, подававшего из-за стойки какие-то знаки полицейским. Заметив жест Кай-Пангу, китаец испуганно сжегся и наклонился, намереваясь нырнуть за стойку. Но не успел. Кутанзо даже не уловил взглядом движения, которым Кай-Пангу выдернул из-за пояса длинный и тонкий, как шило, нож. Затем последовал быстрый, как молния, выпад темной руки. Летящий нож блеснул сталью над головами сидящих за столиками людей, как выплеснутая тонкая струя воды, и вонзился по рукоятку в горло Че-Чу. Китаец ухватился обоими руками за нож, выдернул его из горла и отбросил далеко в сторону. Кровь хлынула из раны темным потоком, марая белый чесучевый балахон китаец. Че-Чу пошатнулся и

без крика, без стога рухнул ничком на стойку, опрокидывая и разбивая бутылки.

Зал испуганно ахнул. Полицейский комиссар выдернул из кобуры револьвер и двинулся решительно к Кай-Пангу. Толпа трусливо расступилась перед ним, освобождая дорогу.

В руке Ляо-Ху блеснул крошечный браунинг.

— Не надо, — шепнул ему Кутанзо. — Я на минуту задержу полицейских, а вы в это время бегите.

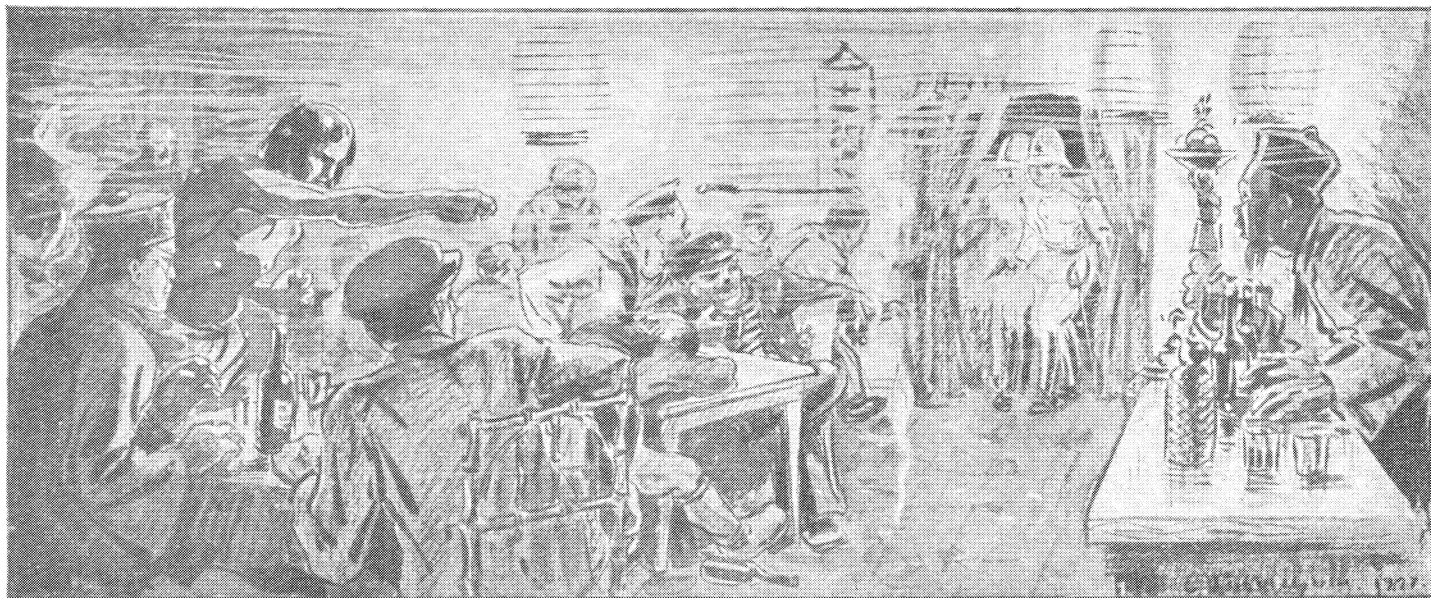
И, сорвавшись с места, Кутанзо бросился прямо на полицейских. Искусно подражая неуверенным движениям пьянсы, опрокинул стол под ноги полицейских. Не ожидавший этого, комиссар споткнулся и шлепнулся на пол. Барахтаясь среди осколков разбитых бутылок, закричал озлобленно:

— Стой! Стой, тебе говорят. Стрелять буду!

— К дьяволу! — ревел Кутанзо. — Мне некогда! Какие-то негодяи уперли мой велосипед. Я видел! Пустите! Я догоню их!..

Расталкивая полицейских, сшиб одного из них с ног. Тот, падая, тяжестью своего тела свалил другого. От третьего Кутанзо сам получил крепкий удар по голове и, зашатавшись, тоже упал на двух еще не успевших встать полицейских. Уже лежа, Кутанзо дернул за ноги четвертого полицейского и свалил его в общую кучу.

Толпа, до сих пор лишь с жадным любопытством глядевшая на драку, тоже бросилась в свалку. Делая вид, что они хотят помочь полиции, посетители таверны еще более увеличили беспорядочную толкотню.

Летящий нож блеснул сталью над головами сидящих за столиками людей, как выплеснутая тонкая струя воды...

¹⁾ «Юманите» — газета, орган французской компартии.

Посреди зала образовалась гора барахтавшихся тел. Где-то, под кучей, хрипел придушенно комиссар. Выбившийся на верх, Кутанзо оседлал громадного полицейского и, махая кулаками, орал оглушительно:

— Мерзавцы! Как вы смеете задерживать меня, европейца, француза? Я префекту буду жаловаться!

А забытый всеми граммофон исходил французской шансонеткой:

Говорил тебе, Пипетта,
Не ходи ты в лес гулять...

В этот момент раздался звон разбитого стекла... и еще,—и зал погрузился в темноту. Это Ляо-Ху метко брошенными табуретами сбил фонари.

Кутанзо выпрямился, страхнул с себя чье-то тяжелое тело и рванул к выходу. Нашупал в темноте цыновку, заменявшую дверь, откинул ее и выбежал на веранду. Минув ступеньки, через перила веранды, прыгнул вниз. Упал в густую, колючую заросль розовых лавров и японской сирени. Вытирая кровь с расцарапанного лица, поднялся, оглядываясь. Увидел, что находится в маленьком садике. Не тратя время на поиски калитки, перелез через бамбуковый забор и бросился бежать по тихой и темной улице. На углу остановился и прислушался. Таверна все еще гудела, как растревоженный улей, будоража тишину ночи криками, руганью, грохотом ломаемой мебели.

Вспомнив комиссара, барахтающегося среди черепков разбитых бутылок, Кутанзо расхохотался весело и озорно, по-мальчишески. И тотчас же затих, услышав прерывистое и тяжелое дыхание бегущих людей. Две темные фигуры надвинулись на него так неожиданно и быстро, что он успел лишь прижаться опасливо к стене дома. Но бежавшие видимо все же заметили его и остановились. Всмотревшись, Кутанзо узнал Кай-Пангу и Ляо-Ху.

— Вы убежали? — радостно вырвалось у француза.

Кай-Пангу нашел в темноте руку Кутанзо и молча, без слов, прижал ее крепко-крепко к своему сердцу. Эта молчаливая благодарность глубоко взволновала и растрогала Кутанзо. Не находя слов, чтобы как-нибудь ответить на это, француз повернулся вдруг к Ляо-Ху и сказал обидчиво:

— Вот! А ты мне не верил, Ляо-Ху.

— Прости меня, брат мой, — прошептал китаец, — но ведь я так боюсь за жизнь нашего вождя, Кай-Пангу. А теперь я верю тебе, ты наш. Возьми от меня на память вот это.

Кутанзо почувствовал прикосновение к своей руке чего-то нежного и шелковистого.

— Что это? — удивился француз.

— Это «кох-бин», сделанный из шелка. Завтра на улицах Сайгона и Шолона нельзя будет показаться без этого цветка. Надень его. Завтра ты снова увидишь нас. Не спрашивай—когда и где. А теперь прощай, мы спешим.

Кутанзо не успел ответить. Кай-Пангу и Ляо-Ху нырнули в черный мешок ночи и пропали, словно растворились в темноте.

Сунув рассеянно шелковый цветок в карман пиджака, Кутанзо тоже свернул в маленький, извилистый пе-

реулок. Шел, задумавшись, опустив голову. На углу остановился, поднял глаза, и не удержался от восхищенного крика.

Широкий канал, пересекавший улицу, был забит тесно лодками и джонками. Крики, мерные удары в ладоши и звуки флейт неслись оттуда. Мачты судов были украшены фонарями. И эти огни джонок, как сотни ночных, огненных неньюфар—красных, зеленых, желтых и голубых,—создавали феерические световые узоры.

— Прекрасная страна, — прошептал восторженно француз, — она должна быть свободной. И будет!..

(Окончание следует).

Подземное путешествие

Краеведческий рассказ А. А. Великанова

Зимой 1926 года я наметил для летнего путешествия южную часть Семиречья, нынешней Кара-Киргизской Автономной Области. Даже тот скудный материал об этой стране, который я имел под руками, обещал много необычайного, неизведанного.

В начале июня я уже бродил по «караванам»¹⁾ областного гор. Пишпека, разыскивая обоз, отправлявшийся на Каракол²⁾. Я решил доехать с обозом до Уй-Тала, русско-по поселка на северном берегу озера Иссык-Куль, а оттуда пешком пересечь по прямой линии хребты Кунгей и Заилийский Алатау, с целью выйти на Джаркентский тракт (где-либо в окрестностях Алма-Ата³⁾). Это расстояние—около 150 км. по горам—я надеялся без особого напряжения пройти в 1½ недели. Со мною был мой старый охотничий маузер и достаточный запас патронов. Следовательно, свежая пища—дичь—была обеспечена.

Пишпек меня принял нерадушно. С утра моросил дождь. Отсутствие «оказии», — какого-либо обоза для продолжения пути,—также не могло создать хорошего настроения. Счастье улыбнулось мне только к вечеру. Я встретил две подводы с керосином, отправлявшиеся в Каракол, переговорил с обозчиками и ранней зарей, устроившись на бочке с керосином, тронулся в путь.

Буамское ущелье, где внезапно разбушевавшийся коварный ветер сбрасывает в пропасть повозки и ло-

шадей; пенящиеся волны горной красавицы Чу; каменистые пески близ Иссык-Куля; заросли джирганака по его берегу, полные пернатой и прочей дичи; жара днем и стужа ночью—как в калейдоскопе, создавали обстановку переезда.

Через неделю мы везжали в Уй-Тал. Недалеко виднелся бирюзово-синий ласковый Иссык-Куль. Шестидневная, почти беспрерывная тряска по камням давала себя чувствовать. Следовало также привыкнуть к заметно разреженному горному воздуху, освоиться со здешним климатом. Хотелось отдохнуть у озера-моря, выкупаться в его прозрачной соленой воде.

В Уй-Тале удалось завести знакомства с киргизами из окрестных гор, кое-что узнать о дороге и даже заручиться словесной рекомендацией к их родственникам на Чилике,—горной реке, пересекавшей мне путь.

Гигантские ели и пихты по крутому северному склону Кунгей-Алатау чередуются с нависшими скалами. Какие-то намеки на тропу, проторенную неизвестными животными. Редкий травянистый покров сменяют крутизны из мелких осколков разрушенных горных пород. Кажется, достаточно ступить, и вся эта масса щебня покатится вниз, туда, где на краю пропасти предостерегающе торчат утесы. За ними—бездна. Ступаешь, проверяя каждый шаг и держа наготове палку на случай падения.

Четвертый день в горах. Сначала приходилось, из-за отсутствия опыта, плохо. Особенно мучил ночной холод. Только на третью ночь я узнал, что под густыми ветвями ели, на

¹⁾ Постоялый двор.

²⁾ Быв. Пржевальск.

³⁾ Быв. Верный.

мягкой опавшей хвое, прижавшись к громадному, в два обхвата, стволу, можно спать лучше, чем на пуховой перине. Маузер исправно добывал мне к обеду зазевавшихся тетеревов и горных индеек.

Перевалив через Кунгей-Алатау, спускаюсь в долину Чилика. Там — джайлау¹⁾, киргизский душистый кумыс... а затем — снова в дорогу.

Передо мною котловина. Горы причудливо сходятся над нею и стоят, как бы совещаюсь о чем-то своем, первобытном. Пересекаю котловину наискось. За ней последний спуск — и Чилик.

Вдруг меня останавливают треск и шум позади. Мимо стрелой пронесится марал²⁾. За ним стремглав пробегает несколько горных козлов. Наступает грозное затишье. В воздухе чувствуется какая-то нависшая грозная опасность. Во мне пробуждается инстинкт самосохранения, толкает вперед, за скрывшимися козулями. Стараюсь взять себя в руки, но в тот же момент что-то валит меня на землю, и, охваченный паническим ужасом, я вижу, как громадные деревья, трава, кусты, земля, — все рушится вниз, в котловину. Обгоняя друг друга и подпрыгивая, мчатся в бездну гигантские камни. На мгновение ко мне возвращается способность рассуждать. Догадываюсь — это землетрясение, нужно во что бы то ни стало укрыться от камней!.. Внезапный удар в голову... Я теряю сознание и лечу куда-то вниз...

Я очнулся от нестерпимого кашля. Холодная вода, попавшая в легкие через нос и рот, вызвала сильнейшее раздражение. Почти бессознательно начинаю работать руками и ногами, и, открыв глаза, вижу себя в воде, на дне природного колодца, куда я, видимо, скатился во время землетрясения. Колодец, правда, не глубокий, но это не улучшает моего положения. Каменные стены идут отвесно вверх: ни выступов, ни трещин. Три стены образуют треугольную призму, на дне которой я плаваю.

В детстве я наблюдал крыс, которых из крысоловки бросали в помойку, обложенную кирпичом. Крысы долго плавали в ней в поисках выхода, уставали и, наконец, беспомощно

тонули. Я попал точно в такое положение. Надеяться на постороннюю помощь здесь, в горах, не приходилось.

Неожиданно мои ноги коснулись дна колодца, и одновременно я заметил, что вода в колодце заметно убывала. Над водой, по стенам вырастала мокрая полоса от спадавшей воды. Через какие-нибудь двадцать минут заблестели осклизлые каменные плиты дна. У стены бурлил, уходя в землю, пенящийся поток. Через зиявшее отверстие порой вылетали брызги. Шум потока постепенно стихал, пока совершенно не прекратился. Лишь звонко падали в темноте капли со сводов подземного канала.

Я был так поражен случившимся, что совершенно забыл о самом себе, и только наступившая тишина обратила мое внимание на собственную персону. Что представляли я и мое снаряжение?.. Я промок, что называется, до нитки. Мешок с запасами и парой белья был при мне, но сухари, соль, сахар, табак превратились в сладко-соленое месиво, слепившее белье. Маузер, оставшийся на ремне за спиной, был цел, и лишь его дуло и затвор были забиты землей. Патроны пострадали меньше всего — вода не проникла внутрь.

Задумываюсь над тем, что делать дальше. Выбраться из этой дыры невозможно: в камне ступени не выру-

Внезапный удар в голову... Я теряю сознание и лечу куда-то вниз...

¹⁾ Летние пастбища киргизов.

²⁾ Тянь-Шаньский олень, беспощадно истреблявшийся до последнего времени из-за своих рогов, которые в Китае идут на приготовление целебных средств и ценятся там по 180—200 рублей (наши демьги) за пару.

бишь. Кричать, стрелять—бесцельно. Все равно, никакой чорт не услышит.

Солнце переходит с одной стенки мой тюрмы-колодца на другую. От сырости меня знобит. Из канала клубятся испарения. Смотрю на отверстие под землю, и догадка пронизывает мой мозг. То, чему я раньше не придавал значения, встает со всей очевидностью: я перед разгадкой тайны Иссык-Куля.

В самом деле, что может терять крыса, брошенная на дно каменного колодца? Остаться здесь, — значит выбирать или голодную смерть, или перспективу захлебнуться неожиданно прорвавшейся водой из Иссык-Куля.

Решено.

Осторожно опускаю ноги в отверстие. Затем, держась за край, спу-

вперед, и это предупреждает меня о препятствиях. Порой чувствую, что своды расширяются, образуя подземные пещеры. Если бы у меня был огонь!.. Бесполезные размокшие спички лежат в кармане. Там же и огниво.

Заблудиться я не боюсь. Ручеек, указывая путь, бежит у меня под ногами. Но от долгой ходьбы пробуждается аппетит, а ноги ноют и гудят от усталости. Присаживаюсь отдохнуть на камнях и голод коварно воскрешает в памяти утренний завтрак из поджаренной на углях тетерки. Вспоминаю, что в мешке остался еще кусок; извлекаю и долго, с наслаждением, жую. Потом пытаюсь проглотить жуткое месиво из сахара, табаку, соли и сухарей, но это не удается. Иду дальше, ощущая смертельное желание курить.

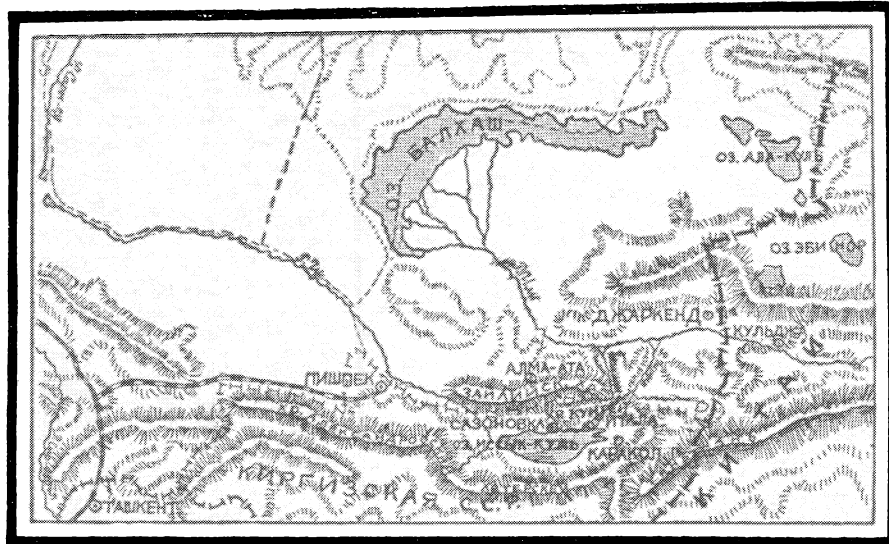
Путь бесконечен. Сколько времени я иду? Сколько пройдено километров. Двадцать, пятьдесят, сто?..

Ручей, кажется, журчит громче. А, может быть, это только обман слуха, воспринимающего все время один и тот же монотонный звук? Нет... Вода, действительно, прибывает и кое-где доходит уже до щиколотки.

Что же, тем лучше... Говорят, что трудно только в первый раз втянуть воду в легкие, но затем все пойдет, как по маслу.

Вода все прибывает. Это Иссык-Куль опять просачивается через обвал. Но итти становится легче. Вода сама подхватывает усталые ноги. Вот она доходит уже до колен. Два раза, поскользнувшись в потоке, падаю. Перекидываю за спину бесполезный маузер. Зачем? Разве я выйду из подземелья?!

Вот я уже плыву, отталкиваясь от дна ногами. Вода мчит меня все быстрее и быстрее, рокот потока все усиливается, голова кружится и бредовые образы возникают в мозгу. Представляю себе: как хорошо купаться у отлогого песчаного берега Иссык-

Карта южной части Семиречья (Кара-Киргизская А. О.) и горных отрогов Тянь-Шаня.

Надо сказать, что Иссык-Куль — одно из величайших горных озер в мире — из года в год отступает от берегов: количество воды в озере уменьшается, и притом более быстро, чем это могло быть при нормальном испарении. В озеро впадает до 80 горных рек, само же оно стока не имеет. Это обстоятельство породило в населении много легенд. Одну из них я слышал в Уй-Тале. Старики рассказывают, что озеро под землей соединяется с Балхашем и в него изливает свои воды. По их словам, город Алма-Ата стоит как-раз над этим протоком, и многие уверенно предсказывают провал города в одно из землетрясений.

Повидимому, я был у отверстия подземного хода. Землетрясение завалило этот ход, и, может быть, надолго. Во время толчков ведь оседают громадные массы земли и камня. У села Сазоновки я сам видел провал площадью около 5 километров, осевший на 4 с лишним метра.

В таком случае, почему бы мне не попытаться найти выход из проклятой западни через этот канал? Ведь сижу же я у отверстия канала, а, возможно, есть еще отдушины и с более отлогими скатами.

Эта мысль зародилась во мне сначала робко — пугала темнота и неизвестность, — но затем стала крепнуть.

скаю туловище, и, неожиданно оборвавшись, шлепаюсь на мокрые камни. Все в порядке — я на дне канала. Насыщенный парами воздух охватывает меня. Немного душно. Туннель имеет овальную форму, около пяти метров высоты и не более семи в ширину. Из отверстия, откуда я только что прыгнул, пробивается скудный свет. Высоко... Я уже не мог бы вернуться в колодец, если бы и захотел. Выбор сделан. Бросаю последний взгляд на вход и, подбадриваясь, начинаю шагать вниз по камням, по ручью, чуть слышно журчащему под ногами, в неизвестность.

Очень скоро я потерял представление о времени. Пытаюсь измерять пространство, считая шаги. Насчитываю около 25.000 шагов, потом бросаю, — надоело... Дышать нетрудно. Кажется, есть слабое движение воздуха, и это придает мне новые силы. Туннель идет круто вниз. Изредка натываюсь на большие камни. Помогает маузер, который я несу стволом

Нельзя выразить, что я почувствовал, увидев впереди сверкающую полосу — полосу света!..

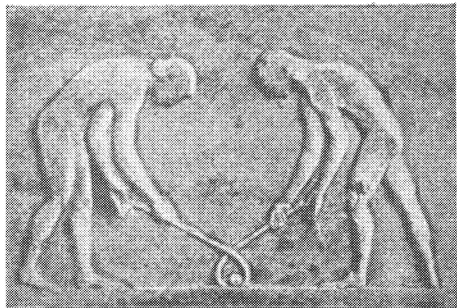

Рис. 1.

Огромное большинство знакомых нам видов спорта существовало в очень, очень далекие от нас времена. Повидимому, у людей всех стран и времен есть общая потребность в одних и тех же видах спорта: игр и упражнений.

Когда в Англии для тренировки в боксе перешли от неуклюжих, наполненных песком мешков к легким тренировочным мешкам и, наконец, к пенчинг-боллу, вероятно, никому и в голову не приходило, что уже три тысячи лет тому назад греческие атлеты тренировались на подобных же кожаных мешках.

Вероятно, еще менее известен тот факт, что от этих мешков, поивших название «корикон», получали название и самые залы, в которых происходила тренировка. Отсюда и выражение «бороться с кориконами», аналогичное выражению «бороться с ветряными мельницами».

Вообще, в области спорта наши далекие предки были никак не менее сведущи, чем наше поколение; в частности, они настолько ценили значение массажа, что создали из него целую науку, при чем в конце концов слова «массаж» и «тренировка» стали почти синонимами.

Рис. 5.

Рис. 6.

сколько примеров. Можно было бы их продолжить: бега (конские ристалища), эстафета, стрелковые состязания... — все это насчитывает многие тысячелетия.

К РИСУНКАМ:

Рис. 1. — Схватка двух древне-греческих хоккеев (рельеф на колонне пятого века до р. Х.).

Рис. 2. — Подобная же сцена из недавнего хоккейного состязания в Берлине. Чемпион Бохе (в темной рубашке) в поединке с новым чемпионом, Кумменцем.

Рис. 3. — Многие античные вазы свидетельствуют о том, что древним грекам было знакомо плавание «кролем»; именно таким способом Леандр переплыл Геллеспонт (Дарданелльский пролив), и на прилагаемом рисунке мы видим, вероятно, самое древнее изображение кроля — иероглиф, означающий плавание.

Рис. 4. — Современный «кроль». В 1912 году плавание кролем было занесено в Европу с Гавайских островов; на несколько десятков лет раньше мы встречаемся с более древним австралийским «кролем».

Рис. 5. — Древне-греческий спортсмен, поймавший мяч бедром.

Рис. 6. — Бывший футбольный чемпион Шаффер, остававшийся мяч бедром.

Рис. 7. — за многие века до р. Х. греческие атлеты для своей тренировки пользовались набитыми шкурами животных.

Рис. 8. — Современный боксер пользуется мешком и пенчинг-боллом для тренировки.

Рис. 2.

Рис. 3.

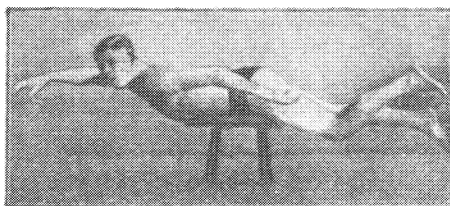

Рис. 4.

Знакома была древним и забота о коже; смазывание ее жирами было у них распространено, как у нас умывание. Кроме того, практиковалось посыпание кожи пылью, т.-е., другими словами, ее пудрили, при чем особенно высоко ценилась специальная пыль, привозимая для этой цели из Египта.

Наконец, древние прекрасно учитывали лечебно-гигиеническое значение воды. Бассейны для плавания и бани были не только хорошо известны древнему миру, но и значительно превосходили размерами, великолепием отделки и даже численностью все то, что мы встречаем в этой области в современных условиях.

К сожалению, сая древность сохранила нам очень мало изображений, рисующих спортивную жизнь того времени.

Приходится поэтому призывать на помощь все виды искусства древних, чтобы из мозаичных мелочей, вкрапленных в то или иное произведение, составить цельное впечатление о спорте эпохи. Живопись, скульптура, поэзия, филология древних, — все они запечатлели внешний облик давно угасшей жизни и пронесли его сквозь пыль веков в дар грядущим поколениям... Мы взяли здесь только не-

Рис. 7.

Рис. 8.

Куля. А что, если вынесет мое тело в Балхаш?..

Мне кажется, что это быстрота урагана. Свод так низок, что я иногда задеваю за него головой. На глаза течет что-то липкое. Как мало силы воли!.. Нужно только опуститься... перестать работать руками...

**

Такой момент может быть лишь раз в жизни. Нельзя выразить, что я почувствовал, увидев впереди светлую точку и затем сверкающую полосу — полюсу света.

На мгновение ошеломил удар о выступ свода. Потом, быстро оправившись, я начал вылезать из воды, излишне крепко цепляясь трясущимися руками за выступы расщелины в скале. Большей жажды жизни, чем тогда, я не испытывал никогда.

Казалось, я вновь родился, и впервые вижу эти, в сущности, более чем неприветливые обломки скалы, среди которых карабкаюсь куда-то вверх. А тогда они казались мне самыми прекрасными произведениями искусства. Хотелось петь гимн о них, о скалах, о воздухе, о солнце.

Взбирался я, должно быть, около полутора часов.

Солнце скрылось за горами, когда я выбрался на перевал и в изнеможении повалился на мягкую траву лугов.

Долго ли продолжался мой сон — не знаю. Может быть, сутки, а, возможно, и больше... Очнувшись от невыносимой боли в голове и во всем теле. Солнце опускалось к дальним вершинам.

Прикоснувшись ладонью к земле, я ощутил резкую боль, заставившую меня застонать. Ладони обеих рук были изрезаны до кости и неузнаваемо распухли. Лицо было залито запекшейся кровью. Левый глаз открывался с трудом. Лохмотья одежды были сухие, но стояли коробом и странно шуршали при движениях. Нестерпимо хотелось пить. Сильнейшим напряжением воли я прину-

Схематический разрез местности по направлению предполагаемого протока между озерами Иссик-Куль и Балхаш. Масштаб высоты для наглядности чертежа взят несоразмерно больший, чем масштаб горизонтальный.

дил себя подняться и, раскачиваясь как маятник, побрел к северу. Шакалы диким хохотом, попеременно с воплями, казалось, приветствовали мое пробуждение...

**

— Парень-то очнулся... Глядит...

Высокая немолодая женщина склонилась надо мной. Концы ее кашемирового платка задевали, щекоча, мой подбородок. Это было смешно. Хотел пошевелиться — и не мог. Тело было словно не мое.

— Нишкни, лежи, — ласково приказывает женщина.

Затем все исчезло...

... Через два дня мне рассказали о дальнейшем. Две недели тому назад меня подобрали в лесу крестьяне поселка, в котором я и находился теперь. Все время я был без памяти, кричал в бреду о воде, подземных ходах, шакалах и Балхаше...

Приютившие меня крестьяне старательно ухаживали за мной. Благодаря им, и, отчасти, своему железному организму, я остался жив.

Действительно ли я был в подземном протоке между Балхашем и Иссик-Кулем, — трудно сказать. Подобрали меня уже на северном склоне Заилийского Алатау. Возможно, что это расстояние я прошел, уже будучи больным нервной горячкой, и в памяти уцелели лишь бредовые представления о подземном путешествии...

Первые жертвы южного полюса

(По поводу 15-летия гибели капитана Скотта)

Борьба за южный полюс. — Таинственная точка. — Норвежцы опередили. — Обратный путь. — На волосок от смерти. — Три несчастья. — Последние дни. — Предсмертное послание Скотта. — Последняя стоянка.

История полярных экспедиций чрезвычайно богата проявлениями героизма и храбрости. Но, к сожалению, она не менее богата и катастрофами и потрясающими драмами.

Одной из наиболее трагических страниц в истории путешествий является, несомненно, гибель Роберта Скотта и его спутников в Антарктиде, в марте 1912 г.

Как известно, в конце 1911 г. на «завоевание» южного полюса отправились сразу две экспедиции — одна норвежская, во главе с Роальдом Амундсеном, который 16 декабря 1911 г. и достиг южного полюса, а другая — английская, под начальством Роберта Скотта, которому хотя и удалось достичь полюса, но не суждено было оттуда возвратиться.

Капитан Скотт отправился на полюс в ноябре 1911 г. с 13 спутниками. По дороге, учитывая недостаточность взятой провизии, Скотт вернул часть своих спутников на место стоянки парохода,

а сам, только с четырьмя товарищами, — доктором Вильсоном, Боверсом, Оатсом и Эвансом, — отправился на полюс.

Скотт обещал оставшимся спутникам вернуться оттуда в конце февраля 1912 г. или, во всяком случае, не позднее первой половины марта. Однако, в условленный срок Скотт и его спутники не возвратились. Предчувствуя катастрофу, оставшиеся на зимовке товарищи отправились в конце февраля к югу, на поиски. Однако, близость наступавшей южной полярной зимы заставила прекратить поиски, и экспедиция вернулась в половине марта на место стоянки.

Вся длинная южно-полярная зима (март — октябрь) прошла в томительной неизвестности о судьбе Скотта и его спутников. Наконец, в октябре наступила весна, и солнце показалось на небе. Сейчас же была снаряжена небольшая экспедиция в девять человек, во главе с доктором Аткинсоном. Этот

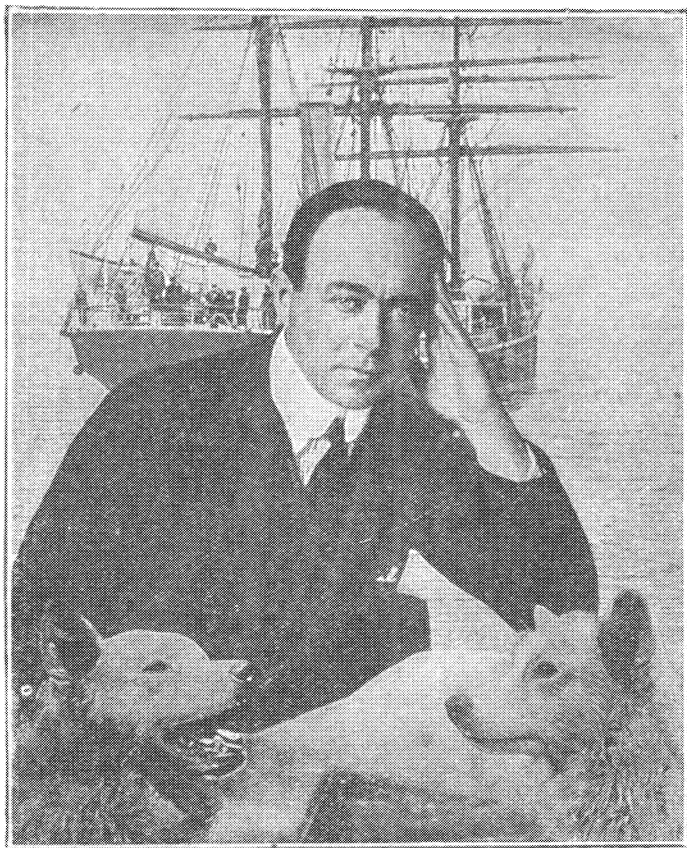
отряд и отправился в полярную пустыню на поиски погибших товарищей.

После месячного блуждания по ледникам и снежным полям, путешественники наткнулись на полужанеженную снегом палатку. С волнением открыли ее вход. Доктор Аткинсон вошел первый в палатку, и его глазам представилась ужасная картина.

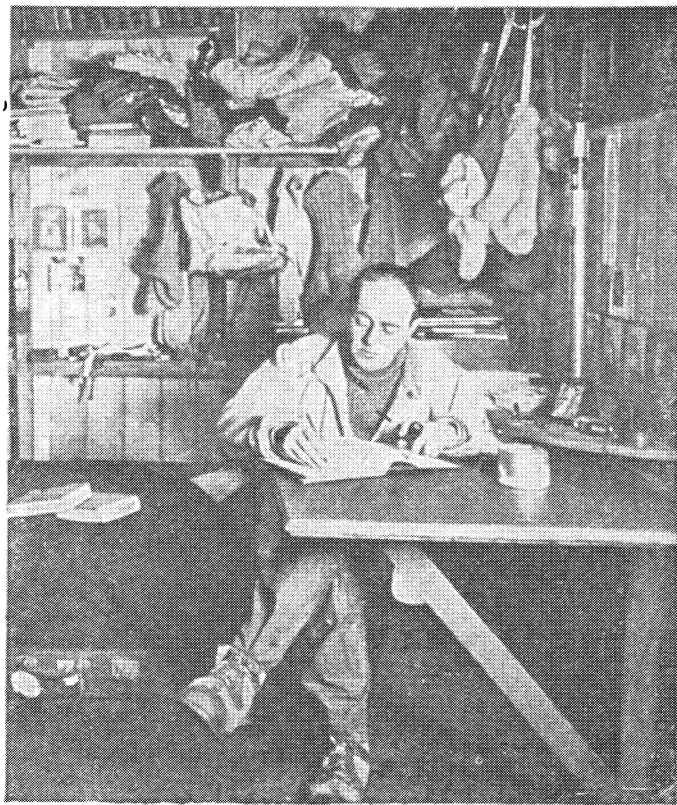
В углу палатки лежали два трупа в меховых спальных мешках, а посредине, в полусидячем положении, прислонившись спиной к столбу палатки, с раскрытой грудью, сидел Роберт Скотт. Небольшая сумка с тремя записными книжками валялась сбоку. Тут же оказалась щепотка чая, — это было все, что осталось из провизии у Скотта и его товарищей. Двух остальных спутников Скотта, — Оатса и Эванса, — в палатке не оказалось...

Таков был конец этой жуткой драмы. Каково же было ее развитие?

Роберт Скотт и его четыре спутника (как о том свидетельствуют записи) отправились к полюсу на лыжах, взяв с собою трое саней с провизией и научными инструментами. До полюса им нужно было пройти около 1.500 километров. Через месяц трудного путешествия по ледникам и горам суровой Антарктиды, Скотт и его товарищи были уже близки от конечной цели. От полюса их отделяли всего каких-нибудь 50 километров. Стояли сильные моро-

Капитан Скотт. На заднем плане его судно «Терра Нова».

Капитан Скотт в каюте «Терра Нова».

зы. Термометр показывал днем свыше 30° холода. 17 января путешественники определили географическую широту. Полюс находился уже в нескольких километрах. С удвоенной энергией они двинулись в путь.

Но вдруг, на горизонте, среди безбрежной снежной пустыни, показалась какая-то черная точка. В безмолвном напряжении путники быстро пошли на нее. Через полчаса ходьбы черная точка превратилась в большое пятно. Еще через несколько минут можно было ясно распознать, что это был флаг, прикрепленный на высоком месте. Все бросились к флагу. На снегу виднелись следы саней и лыж. Флаг был норвежский.

Норвежцы опередили. Амундсен был уже здесь! Он открыл полюс! Глубокое разочарование охватило Скотта. Его долголетние труды окончились неудачей...

В двух-трех километрах от флага виднелась палатка. Путешественники поспешили туда. В палатке они нашли ящик, где были положены письма и акт об открытии полюса. 16 декабря здесь были пятеро норвежцев, и Амундсен просил Роберта Скотта, если он будет на полюсе, захватить его письма и отослать их в Норвегию...

Настроение Скотта и его товарищей упало. Усталость сразу увеличилась, и, разочарованные, они тронулись в обратный путь. Но неудачи не закончились этим. Началась сильная буря. Леденящий ветер сбивал с ног, а снег заметал все следы. А между тем, путешественникам нужно было пройти 1.500 километров до места стоянки их остальных товарищей.

С этого момента, — с 17 января, — начинается драма. Каждый новый день приносил несчастья. Снежные бури все время тормозили движение, заставляя

путешественников иногда останавливаться на целые сутки.

Между тем, съестные припасы уменьшались. Пришлось убавить порции. Это вызвало упадок сил. Почти все отморожили ноги и руки. Усталые, пятеро полярных путешественников еле передвигали ноги. А вокруг расстилась безбрежная снежная пустыня. Ни один звук не нарушал стоявшей здесь тишины. Кругом не было ни птиц, ни зверей. Холодное полярное солнце круглые сутки скупо освещало одиноких путешественников.

4 февраля Скотт и Эванс свалились в глубокую трещину на льду. Эванс получил при падении сотрясение мозга. Когда его вытащили из трещины, он плохо соображал, и едва волочил ноги. Эванс задерживал товарищей. Дело принимало скверный оборот.

В своем дневнике Скотт пишет:

«14 февраля. Нечего себя обманывать, наши силы быстро тают. У Вильсона болит нога... Но самое тяжелое положение у Эванса...

«16 февраля. Положение очень серьезное: Эванс, кажется, сошел с ума... Провиант кончается...

«17 февраля. Ужасный день... Эванс не может идти. Скоро он свалился, впал в беспамятство и в половине первого умер...»

После смерти Эванса путешественники пошли несколько быстрее. Нужно было торопиться. Через две недели наступала южно-полярная осень, а между тем, нужно было пройти еще 700 километров. Прошли с большим трудом еще несколько километров. Наконец, достигли первого запасного склада провианта. Обильная пища подкрепила измученных путешественников, но запасы опять скоро иссякли. Нужно было экономить. Между тем, стояли сильные холода.

Ночью термометр падал до 40° ниже нуля, а днем держался на 35° .

2 марта положение стало критическим. Оатс обморозил себе ноги и с трудом мог идти.

С этого дня записи в дневнике Скотта становятся краткими и отрывистыми: «10 марта. Оатс очень плох.

«11 марта. Запасов у нас хватит только на семь дней, а остается еще 88 километров до склада «Одной тонны»... Мы двигаемся так медленно, что если даже положение не ухудшится, и нас ничто не задержит в пути, придется все-таки пройти двадцать километров без всякой пищи...»

Наконец, 16 марта Скотт записывает в дневнике:

«Наша трагедия в полном разгаре. Третьего дня за завтраком бедняга Оатс заявил, что он не может больше идти, и предложил нам оставить его в спальном мешке в палатке. Об этом, конечно, не могло быть и речи, и мы просили его проводить нас хотя бы до вечернего лагеря; должно быть, для него это было очень мучительно, тем не менее он поплелся за нами, и мы с трудом прошли еще несколько километров...»

На ночь разбили палатку, и все четверо путешественников залезли в меховые спальные мешки. Кругом палатки бушевала буря. Среди ночи Оатс потихоньку встал и вышел наружу.

— Куда ты? — спросил его Скотт.

— Я выйду на минутку, — ответил он. Он вышел — и исчез навсегда в вихрях снега. Он не хотел быть в тягость своим товарищам и решил освободить их от себя...

На следующий день оставшиеся трое путников снова двинулись на север. У всех троих были отморожены ноги. 19 марта, при 40° -градусном морозе,

разразилась сильная буря. Итти дальше было невозможно. Припасов же оставалось только на два дня. От запасного склада «Одной тонны» путешественников отделяло 27 километров.

Скотт и его два спутника решили переждать бурю, но дни проходили за днями, и выюга свирепствовала с прежней силой вокруг их палатки, представлявшей маленькую черную точку среди необъятной белой пустыни. Буря продолжалась почти целую неделю без перерыва. 23 и 24 марта у путешественников вышла вся провизия. Итти же вперед не было сил... Приходилось на месте ждать смерти...

25 марта Скотт уже слабеющей рукой писал в дневнике:

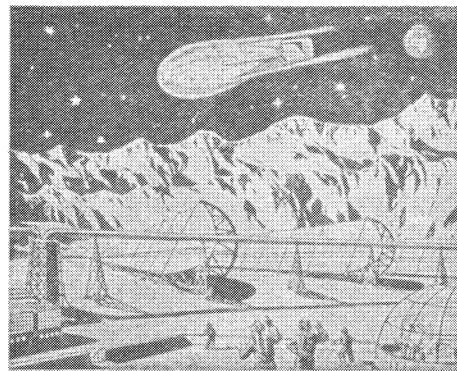
«С 21-го непрерывно была буря... Мы не могли двинуться... Я не думаю, чтобы мы могли надеяться на какое-ни-

неудачей целого ряда действий, без которых, однако, нельзя было обойтись...»

Далее Скотт перечисляет причины неудач, ссылается на бури, выюги и сильные морозы и добавляет:

«Я уверен, что никто и никогда не пережил такого мучительного месяца, какой пережили мы, — и мы все-таки выбрались бы вопреки погоде, если бы не заболел Оатс, не оказалось необъяснимой нехватки горючего в наших складах, — и, наконец, если бы не буря, которая нас застигла на расстоянии 11 миль от нашего пищевого склада...»

«В одиннадцати милях от нашего склада «Одна тонна» у нас было только на одну топку горючего и муки на два дня. А, между тем, в течение четырех дней мы не могли выйти из нашей палатки по причине бури.

В два дня на луну

Очерк Б. Рустам-Бека

Многим известно о ракете нашего изобретателя Циолковского, сконструированной им с целью полета на луну. Известно также, что профессором Кларковского университета в Соединенных Штатах, Робертом Годардом, совершенствуется аппарат для той же цели и что ученые всего мира обсуждали этот проект и нашли его вполне осуществимым. Не мало места в свое время уделяла мировая печать вопросу о полете на луну, и вдруг об этом как будто позабыли...

И вот, в самый разгар угольного кризиса, английская печать снова заговорила о готовящемся полете на луну... большевиков!

Английская буржуазия встревожилась. А что, если на самом деле большевики водрузят их красное знамя на луне! Ведь Северный полюс ускользнул от британских капиталистов. С американским флагом во главе, над ним ползутся и норвежский, и итальянский. Возможные нефтяные и другие подпочвенные богатства северной оконечности нашего глобуса, если только там имеются острова, окажутся в американских руках.

Но как же быть с луной? Неужели ее тоже придется уступить американцам, а, чего доброго, и большевикам?..

В начале августа 1926 г. московский корреспондент телеграфного агентства

Участники экспедиции 1912 г. к южному полюсу: Оатс, Боверс, Скотт, Вильсон и Эванс.

будь улучшение. Но мы выдержим до конца. Смерть уже близка. Это ужасно, я не могу больше писать. Позаботьтесь о наших близких. Р. Скотт».

Агония несчастных путешественников продолжалась после этого еще четыре дня. Вильсон и Боверс первые перестали страдать. Умиравший начальник экспедиции отдал последний долг верным товарищам. Напрягая остатки сил, он прикрыл их тела спальными мешками. Исполнив это, он сел посредине палатки и, прислонившись к поддерживавшему ее столбу, спокойно стал ожидать неизбежного конца...

Прежде чем наступила трагическая развязка, капитан Скотт написал несколько писем, — своей жене, жене доктора Вильсона и некоторым родным и знакомым. На последней странице своей записной книжки он написал «Обращение к обществу». Вот несколько выдержек из этого потрясающего документа:

«Катастрофа нашей экспедиции вызвана не ошибками в организации, а

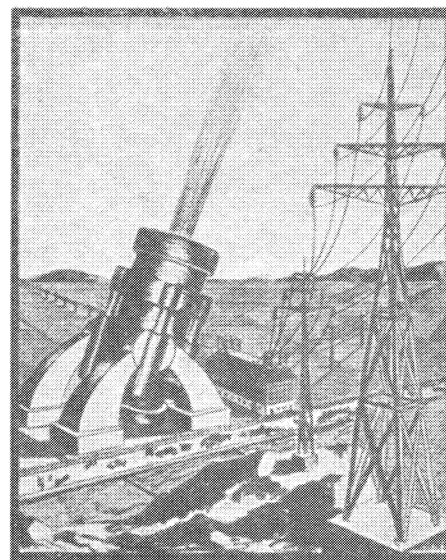
«Мы знали, на что шли, и рисковали жизнью. Обстоятельства сложились против нас. У нас нет основания жаловаться, и поэтому мы считаем нужным до последней минуты выполнить наш долг...»

«Если бы мы вернулись живыми, я много мог бы рассказать о твердости, выносливости и смелости моих товарищей. Но теперь пусть эти краткие заметки и наши бранные останки, расскажут вам остальное. Р. Скотт. 25 марта 1912 г.»

Доктор Аткинсон похоронил тела трех несчастных путешественников, опустив их в ледяную могилу, вырытую на том месте, где стояла палатка. Палатку засыпали снегом и превратили ее, таким образом, в большой могильный холм...

Так в далекой Антарктиде появилась первая могила, скрывающая в ледяных недрах трех мучеников географической науки.

Н. Л.

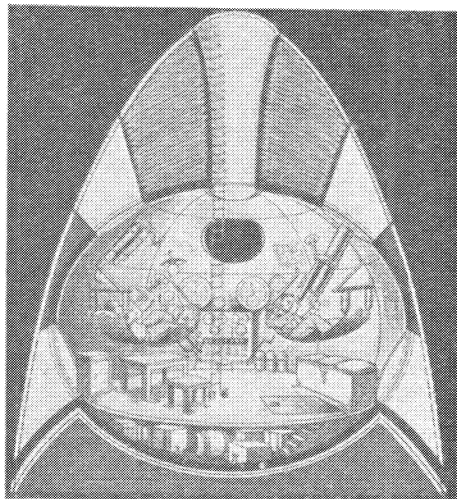
Мортира, стреляющая ракетой в луну.

«Централь Ньюс» сообщил в Лондон сенсационную новость: «Комсомольская Правда», телеграфировал он, передает, что 12 августа одиннадцать советских ученых в специальной ракете вылетят на луну».

Английская буржуазия насторожилась; в английской печати появились тревожные статьи. А что, если на луне имеется население? Как же в таком случае огранить его от большевистской пропаганды?

Появившаяся 11 августа в «Дэйли Хроникль» статья доктора Фурнье д'Альба еще больше встревожила умы английской буржуазии, тем более, что этот ученый подошел к вопросу о возможности достижения луны с научной точки зрения.

«Мечтам Жюль Верна, — говорит Фурнье д'Альба, — в недалеком будущем предстоит осуществиться. Было бы нелепо предполагать, что расстояние в 240 000 миль, отделяющее нашу планету

Ракета для путешествия на луну: разрез через головную часть снаряда.

от луны, может служить препятствием для ее достижения и исследования. Равная по своей величине Азиатскому материку, луна не может остаться не эксплуатированной. Ее минеральные богатства должны в корне изменить экономическое положение того государства, которому удастся овладеть ею».

По мнению Фурнье д'Альба, вопрос о большевистской пропаганде на луне отходит на второй план. «На луне некого пропагандировать», — говорит он, — там нет населения. Мы должны встретиться с совершенно другого рода опасностью. Если большевикам удастся достигнуть луны, то не встретив там ни вооруженного сопротивления, ни надобности испрашивать концессии, они без затруднений овладеют всеми лунными богатствами. Заселенная коммунистическим элементом, луна делается большевистской. Затрата на постройку ракеты и риск жизнями нескольких ученых — сущие пустяки в сравнении с теми колоссальными выгодами, которые можно ожидать от эксплуатации материка на луне».

Далее, Фурнье д'Альба рисует картину вступления лунной экспедиции на северный берег Рэнского моря, омывающего подошвы лунных Альп. Здесь раскинулось знаменитое плато огромного кратера с застывшей лавой. Плато это окружено кольцом невысоких гор. От наблюдателя, находящегося в цен-

тре плато, они удалены не больше, как на 25 миль.

Тут стоит глубочайшая тишина. Сияющее в огненном ореоле солнце быстро поднимается из-за мрачных горных хребтов. Большой яркий диск земли скрывается за горами. Почва покрыта слоем черной пыли. Ноги ощущают холод промерзшей почвы, которая вскоре, под влиянием солнечных лучей, настолько раскалывается, что человек едва в состоянии выдержать ее температуру. Вокруг повсеместно видны большие и малые вулканы. Некоторые потухли, в других же раскаленная лава поднимается до окраин кратера.

В южном полушарии луны находится огромный вулкан с кратером Тихо. Его можно видеть даже с земли, при помощи сильного призматического бинокля, наведенного во время полнолуния на южный полюс луны. Видимые блески, разлетающиеся во все стороны, определяют место нахождения этого действующего вулкана.

— Раз на луне существуют действующие вулканы, — уверенно заявляет Фурнье д'Альб, — то там должны быть нефть и уголь... — И все это может оказаться в руках большевиков! — горестно восклицает он.

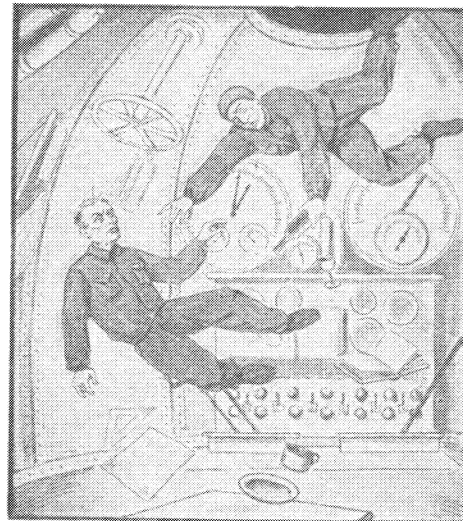
Выдержат ли члены экспедиции лунный климат и окружающую луну атмосферу?

— Конечно, да, — заявляет Фурнье д'Альб. — Современная техника, — говорит он, — дает нам возможность пользоваться кислородом. Полутонный цилиндр на спине путешественника, при разреженной атмосфере луны, будет казаться ему не тяжелее небольшой сумочки.

В недавно полученном (февральском) выпуске «Popular Science Monthly» Г. С. Дэвис описывает новый ракетный снаряд в 5 тонн, который сооружается в Вене профессорами Германом Обертсом и Францом Хозфом. В этом снаряде они рассчитывают достигнуть луны в 2 дня, развив скорость ракеты до 7 миль в секунду. Они уже произвели испытание над моделью проектируемого снаряда. Выстреленная из специальной мортиры модель снаряда отлетела от земли на несколько миль и спустилась обратно на парашюте, автоматически открывшемся, когда снаряд утратил силу для продвижения вперед. Одновременно австро-баварский астроном-авиатор Макс Валье работает над постройкой другого снаряда для той же цели.

Все эти снаряды сооружаются на одном и том же принципе — полета ракеты.

Снаряд профессора Обертса носит название «тройной ракеты в одном корпусе». Он снабжен в затылочной части тремя взрывающимися камерами. Первая содержит в себе алкоголь, а две

В межпланетном пространстве: момент прохождения через «нейтральную зону».

другие наполнены жидким водородом. Скорость полета снаряда будет увеличиваться отделением от него оболочки камер, израсходовавших уже свой горючий состав.

Относительно высадки на луне и обратного путешествия оттуда на землю ученые еще ничего не могут сказать положительного. Тем не менее, профессором Хозфом изобретен прибор, благодаря которому снаряд будет выведен из нейтрального пространства и избегнет участи вечного скитания в нем в качестве лунного спутника.

Несколько недель назад в Вене состоялся съезд астрономов, физиков и инженеров, во время которого было основано «Общество для исследования вселенной». Основной задачей общества является проведение в жизнь проекта профессора Обертса.

В первую очередь будет произведен выстрел в луну взрывчатой ракетой, за падением которой будут вестись самые тщательные наблюдения в телескоп.

Итак, луна находится накануне завоевания!..

Украденный остров

Географический рассказ-загадка И. Окстона

Открытие, сделанное Грифом во время его геологических работ на острове Абеце, заслуживало исключительного внимания. Гриф решил не разглашать, до поры до времени, о своем открытии, и сообщил о нем только своему двоюродному брату Тику, влиятельному государственному деятелю Ультра-Голубой Республики.

— Оказывается, что остров Абеце — пловучий остров, — сказал Гриф Тику, — он держится в море на нескольких тщательно скрытых якорях.

— Невозможно, — возразил Тик, — ведь на острове имеется солидный гор-

ный хребет. Каким же образом такая тяжелая масса земли держится на воде и не тонет?

— Во-первых, горный хребет внутри пустой, на это у меня есть доказательства, — заметил Гриф. — А во-вторых, подводное основание острова сделано из толщенного дерева. Кажется, его еще и сваи подпирают. Повторяю, остров Абеце — пловучий остров. Если оборвать якоря, которыми остров прикреплен ко дну, и подпилить сваи, он поплывет.

— Вот так штука! — воскликнул Тик в порыве энтузиазма. — Если так, то у меня уже созрел план.

— Ну?

— Оборвать эти якоря и взять остров на буксир. Как ты полагаешь, Гриф, сможем мы стащить его с места?

— Без помощи ветра этого не сделает даже весь наш флот. Но если ветер будет попутный... Однако, куда ты хочешь затащить остров и для чего? Ведь принадлежит он не нашей стране, а Зеленой Республике.

— Хотя бы он принадлежал самому дьяволу!—завопил Тик, сделав энергичный жест. — Но представь себе, если бы нам удалось закрыть островом Абеце море между Зетландом и Иpsilonией, — ведь он оказался бы мостом между нашей страной и Иpsilonией, а этот мост был бы для нас очень полезен. Кроме того, можно было бы оставить лишь узкий морской проход около нашей страны — Фиолетовый пролив, — находящийся под полным нашим контролем...

— Стало-быть, ты хочешь закрыть наглухо Лунное море между Зетландом и Иpsilonией? Но мелководье берегов, особенно у Иpsilonии, мешает этому.

— Не беда, если останутся небольшие проливы.

Друзья взяли карту, сравнили длину острова Абеце с шириной моря между Зетландом и Иpsilonией и нашли, что островом можно совершенно заградить этот морской проход.

Тик представил свой проект в одно высшее государственное учреждение Ультра-Голубой Республики. Проект получил одобрение, и вскоре Гриф отправился к острову Абеце во главе специальной экспедиции, целью которой было подрезать якоря острова и подпилить сваи...

Эта работа была вполне успешно выполнена водолазами.

Когда якоря были сорваны, к подводному основанию острова прикрепили толстые стальные тросы. Свободные концы этих тросов были подобраны многочисленными пароходами, собравшимися к западу от острова, и началась буксирная тяга. Благодаря сильному попутному ветру, остров стал подвигаться вперед, хотя и крайне медленно.

Береговые жители были изумлены необычным скоплением пароходов вблизи острова, но всем было невдомек, что страна их поплыла...

На одном торговом судне, стоявшем на якоре неподалеку от островного порта, было замечено, что... пароход медленно плывет вдоль берега. Плывет, — а, между тем, якорь его лежал на дне.

Это странное явление так взволновало и потрясло моряков, что они бросили работу и кинулись за разрешением сомнений к капитану, мирно почивавшему в каюте. Капитан поднялся на палубу и долгое время с раскрытым ртом смотрел на плывущий мимо порт... Он приказал тотчас же поднять якорь и итти обратным рейсом, не выгрузив товара.

На других пароходах, курсировавших между островом Абеце и соседними странами, тоже начался ряд недоразумений. Капитаны, направлявшие свои пароходы к острову Абеце, не попадали туда, куда нужно; полагая, что у них испортились морские инструменты для высчисления курса, они торопились отдать их в починку. Корабли, плывшие по Лунному морю, находили землю там, где раньше ее не было... В одной из газет континента появилась корреспонденция о необыкновенно отчетливом

мираже в Лунном море: был виден остров Абеце с прибрежным городом в полутора градусах от его действительного местоположения. Самое любопытное в этом «мираже» было то, что отчетливо слышались различные звуки в порту...

Капитан парохода, наблюдавший этот необычайный мираж, клялся, что видел на берегу острова живых людей и даже слышал отборную брань матросов около одного, хорошо знакомого ему, кабачка.

Жители острова Абеце, убедившись в перемещении своей страны, пришли в необычайное волнение. На берегу, напротив буксирующего флота, собралась огромная толпа. Предлагали немедленно послать на корабли делегацию, чтобы выяснить, какую роль играет флот в перемещении их страны.

Кто-то пустил слух, что остров Абеце двигается на самое глубокое место Лунного моря, и там будет потоплен. Духовенство энергично занялось отпущением грехов, и церковные кассы быстро обогащались.

Затем распространился нелепый слух, что остров будет отвезен в Ледовитый океан и укреплен на самом полюсе в качестве опорной базы для полярных путешественников.

Садоводы и виноградари принялись поспешно распродавать свои плантации, чтобы не потерпеть убытков от полярных морозов. Многие закупили теплую одежду и интересовались, где можно приобрести гарпуны для охоты за китами. А люди, предпочитающие жить в теплом климате, стали готовиться к выезду. Конечно, не все, а те, кто имел деньги, чтобы готовиться...

Проплыв около 500 километров на своем острове, жители Абеце увидели в море очертания другого большого острова — Цебеде. Хотя остров этот многим был знаком, но от страха никто его не узнал. Остров Абеце проплыл несколько южнее острова Цебеде. В это время внезапно изменилось направление ветра, а затем над морем заревела

сильная буря. Плывущий остров Абеце уклонился вправо от своего первоначального пути, и буксировавшие его пароходы были бессильны этому помешать. Затем задний конец острова Абеце сел на мель вблизи острова Цебеде, а передний конец, сделав поворот почти в 50°, налетел на прибрежную мель Синей Республики. Вместо широкого морского пролива, между островом Цебеде и Синей Республикой образовались два узких пролива.

Все попытки стащить остров Абеце с мели ни к чему не привели, и флот Ультра-Голубой Республики был вынужден бросить его на произвол судьбы.

Тем временем, адмиралтейство Зеленой Республики, уже получившее несколько сообщений о движении острова Абеце, дало соответствующие инструкции своему флоту.

— Мы закрыли морской проход, но не тот, который собирались, — с досадой говорил Тик Грифу. — Теперь остров, возможно, перейдет во владение Синей Республики, — она ведь тоже на него заглядывалась... А нам еще предстоят серьезные объяснения с Зеленой Республикой. Боюсь, что неудавшееся похищение острова нам дорого обойдется... Досадно, такой заманчивый кусочек!.. И, казалось, так легко, было им воспользоваться!..

Читатель должен, сообразуясь с данными рассказа, все вымышленные географические названия в этом рассказе заменить действительными:

Остров Абеце. Лунное море.
Остров Цебеде. Зетланд.
Зеленая Республика. Синяя Республика.
Ультра-Голубая Республика.
Фиолетовый Пролив. Иpsilonия.

Рассказ построен с таким расчетом, чтобы расшифровать его мог каждый, знакомый с элементарной географией, вооруженный простейшими географическими картами, и... немного знакомый с нравами и наклонностями правителей капиталистических держав.

Разгадка будет помещена в № 4 «Вокруг Света».

Над черной бездной

(Ответ на рассказ-загадку, помещенный в № 2 „Вокруг Света“)

1. Уменьшение веса могло быть вызвано увеличением скорости вращения земли вокруг своей оси и возрастанием, вследствие этого, центробежной силы. Вагнер не объясняет, каким образом ему удалось увеличить скорость вращения. Теоретически это может произойти, если какая-нибудь огромная сила начнет толкать землю в сторону ее вращательного движения.

2. Дни становились короче потому, что земля вращалась быстрее вокруг оси.

3. Уменьшение веса сказалось прежде всего на экваторе потому, что тела описывают там самые большие круги. Поэтому и центробежная сила действует на экваторе больше, чем около полюсов. Кроме того, вследствие несколько сплюснутой формы земли, полюсы больше удалены от центра земли и поэтому там сила притяжения меньше. Даже при существующей быстроте движения земли тела на экваторе весят легче, чем около полюсов. (Напр., пароход, весящий в Архангельске 20.000 тонн, по прибытии на экватор становится легче на 80 тонн.) При ускорении движения земли в 17 раз, тела на экваторе вовсе потеряли бы вес.

4. Люди стали задыхаться потому, что воздушный покров земли, по мере увеличения центробежной силы, стал отделяться от земного шара и улетать в мировое пространство.

5. Море мелело по той же причине: воду стало сгонять в сторону и «сплескивать» с земного шара.

6. Температура понижалась потому, что, по мере исчезновения земной атмосферы, землю стал охватывать холод мирового пространства (абсолютный ноль — 273° Ц.).

7. «Вверх» и «вниз» переместились в связи с перемещением центра тяжести: центробежная сила превзошла силу притяжения земли и стала увлекать все тела от земли, то-есть «вверх».

8. Небо стало черным потому, что исчезла земная атмосфера, придающая небу голубой цвет, и обнажила черноту безвоздушного мирового пространства.

9. Вес сначала уменьшался, а потом стал возрастать, потому, что с ростом центробежной силы, все уменьшалась сила притяжения, пока не дошла до нуля. В этот момент тела вовсе не имели веса. Затем, с дальнейшим возрастанием быстроты вращения земли, начал возрастать вес тел, — но уже в сторону, обратную притяжению земли, т-е. «вверх» относительно центра земли.

10. Вода не выливалась, а обтекала стенки стакана, очевидно, в тот момент, когда сила притяжения земли и центробежная сила были равны. В этот момент вода не могла выливаться и, в силу сцепления водяных частиц, происходило только смачивание жидкостью твердого тела. Аналогичное явление наблюдается, если вылить немного воды на горизонтально стоящий стол: вода, растекаясь, покрывает поверхность стола тонким ровным слоем.

ВСЕМИРНЫЙ КАЛЕЙДОСКОП

ШЕСТНАДЦАТЬ ОЛЕНЕЙ.

В 1891 году американцы закупили в Сибири и вывезли в Аляску шестнадцать ручных северных оленей. Это были первые домашние олени на территории Аляски.

Тридцать пять лет, прошедшие с тех пор, являются микроскопически малым сроком в древней родословной оленя. Изображения, найденные в пещерах первобытного человека, говорят о том, что северный олень был приручен еще раньше лошади и одновременно с собакой. В те времена он населял всю Европу.

Потомки его живут теперь только в Норвегии, Швеции, Финляндии и на севере СССР.

Вся тяжесть существования человека в этих негостеприимных снежных пустынях лежит на северном олене. Исключительно на его инстинктах и свойствах основана та своеобразная

Северный олень (самец).

бродячая жизнь полярных кочевников, которая одна только возможна в этих бескрайних пространствах. Олень здесь — главный источник питания и единственное средство передвижения. Он заменяет и корову и лошадь. Тунгузы даже ездят верхом на оленях. Все кочевники с ног до головы одеты в шкуры этих животных, едят их мясо, пьют молоко и употребляют кости и сухожилия для производства всевозможных рабочих инструментов и оружия.

Вот почему именно на северного оленя обратили свое внимание американцы, когда развитие золотопромышленности на Аляске поставило перед ними задачу приобщения этого полуострова к культурным центрам страны. В первую голову надо было наладить связь, и только регулярные почтовые оленьи посты могли разрешить эту задачу. Между тем, приручение карибу (местная порода оленей) оказалось невозможным вследствие дикости этого животного.

И вот, в 1891 году были куплены в Сибири первые шестнадцать оленей, а

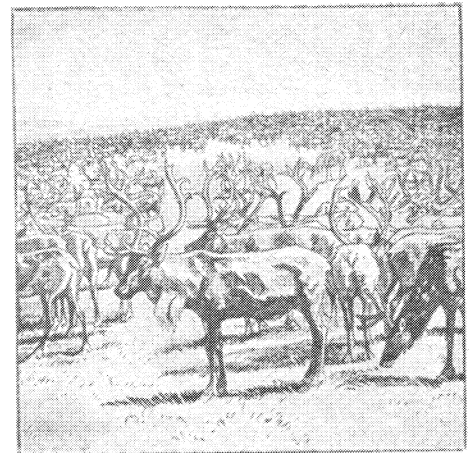
Почтовая оленья упряжка.

ныне оленеводство — одно из самых значительных и доходных предприятий в Северо-Восточной Америке.

Дело поставлено «по-американски». На подобие огромных выгонов для быков и баранов, устроены большие фермы, где массовое разведение оленей ведется по разработанному плану.

Фермы поставляют в чикагские бойни тысячи тонн мяса, которое все больше ценится в Соединенных Штатах. Оно хорошо консервируется и занимает теперь почетное место наравне со знаменитым «corned beef» (солонина). Оленьи шкуры тоже находят себе разностороннее применение, к тому же издержки производства их значительно ниже тех, которые выпадают на долю бедных трапперов (американские охотники), после изнурительной охоты убивающих нескольких карибу.

Также сильно повысилась и продуктивность силового труда оленей. Упряжка, изображенная на рисунке покрыла в 27 м. и 20 сек. 16 километров, и развила

Потомки шестнадцати оленей (на выгоне образцовой фермы).

такую скорость, которой достигают лишь немногие лошади.

Такая скорость чрезвычайно важна в этой стране, где средства передвижения или вовсе отсутствуют, или встречаются необычайные трудности. Благодаря этой скорости становится возможным приобщение к культурному миру обширнейших округов Северной Америки.

Население Аляски и приполярных областей Америки, по справедливости, должно было бы поставить памятник тем шестнадцати сибирским оленям-пионерам, которые были привезены сюда тридцать пять лет назад.

Д. Р.

НАМОРДНИК НА ВУЛКАН.

В течение 1926 г. в кратер японского вулкана Асетаке на о. Киу Сиу бросилось с целью самоубийства 60 человек. В виду учащения случаев подобных самоубийств, начальник нагасакиской полиции предложил инженерам выработать какие-нибудь «действительные» меры для предупреждения самоубийств на будущее время. Наибольшее одобрение встретил проект одного инженера, предложившего затянуть кратер вулкана крепкой металлической сеткой, которая, не препятствуя действию вулкана (что могло бы вызвать катастрофу, взрыв), закрывала бы в то же время надежным образом его жерло...

Как трогательно! Капиталисты заботятся о жертвах усердно насаждаемой ими же «культуры»!.. «Не шадя затрат!».

Б. В.

Ответственный редактор В. Нарбут.

Заведующий редакцией Вл. А. Попов.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ИЗДАНИЕ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ЭЛЕКТРОТЕХНИКА в 15 книг.

Энциклопедия в популярном изложении, не требующем знания высшей математики, содержит теоретические и практические сведения по всем отраслям электротехники и дает необходимые познания лицам, лишенным возможности получить образование в школах и техникумах, но нуждающимся в знании и стремящимся к нему. Получившие же электротехническое школьное образование обновят и пополнят при помощи энциклопедии свои познания.

Цена всех 15 книг в перепл. по предварит. подписке Сорок руб.

Стоимость этих книг в отдельной продаже более 50 руб. Допускается широкая рассрочка платежа. Подробные проспекты с перечнем всех книг и с условиями рассрочки высылаются по требованию бесплатно.

«Московское Акционерное Издательское О-во», Москва, Малая Дмитровка, д. 8/20.

Вышел в свет, разослан подписчикам и поступил в продажу № 3 «ВСЕМИРНОГО СЛЕДОПЫТА».

В номере:

Корабль в болоте. Рассказ М. Зубова. — Человек за бортом! Рассказ Г. Гайдовского. — На синичьей перемычке. Рассказ из жизни птицеловов И. Окстона. — В стране кенгур. Очерки С. Коце. — Кочевая Австралия. — Побег на собаках. Воспоминания М. Петрова-Павлова из рев.-подпольной жизни. — Ловля «морских фруктов». Очерк проф. А. Цингера. — Охотничьи рассказы М. Пришвина и С. Бакланова. — Следопыт вселенной (к 200-летию смерти Ньютона). — Следопыт среди книг. — Шахматная доска Следопыта. — Обо всем и отовсюду. Цена номера — 50 коп.

КУПИЛ ли ТЫ в РАССРОЧКУ

ЗАЕМ 1927 г. приносит 10% дохода в год. Через каждые 3 месяца производятся тиражи выигрышей, в которых можно выиграть от 100 до 50.000 руб.

1-й тираж выигрышей 15 мая с. г. Покупать можно как целые облигации (в 25 р.), так и отдельные части (в 5 рублей), которые дают право на $\frac{1}{5}$ часть выигрыша и проценты.

До 1 апреля с. г. облигации продаются со скидкой (24 руб. вместо 25 руб. и 4 р. 80 к. вместо 5 р.) и в рассрочку (на 6 месяцев для коллективов и 4 мес. для единоличного покупателя).

При коллективной покупке ежемесячный взнос составляет только 3 р. 50 к. за облигацию в 25 руб. и 70 коп. за облигацию в 5 руб. Высокие шансы на выигрыш, проценты, доход и рассрочка делают этот заем самым выгодным для трудящихся.